

бенностей каждого региона, создание в каждой из областей страны региона роста как центра его развития, разработка и осуществление уникальной программы для каждого региона роста.

1. Программа МЦГИ развития регионов «Наш дом» / [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://nash-dom.info/lib/browse/regiony_nd. Дата доступа: 6 августа 2020 г.

2. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2010 г. №108-З; с изм. и доп. Закона от 18 декабря 2019 г. № 273-З / ЭТАЛЮН. Законодательство Республики Беларусь // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Беларусь в цифрах. Статистический справочник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2020. – 71 с.

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ СО СПЕЦИАЛЬНЫМ СУБЪЕКТОМ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Клочков М.А.,

*студент 4-го курса КемГУ, г. Кемерово, Российская Федерация
Научный руководитель – Силаев С.А., старший преподаватель*

Сегодня во всём мире, в том числе и на евразийском пространстве, торговля людьми является одной из наиболее доходных сфер деятельности организованной преступности, в которую вовлечены и отдельные коррумпированные представители государственного аппарата. В этой связи особую актуальность приобретают вопросы уголовно-правовой оценки такого рода посягательств на личную свободу и человеческое достоинство, совершаемых при участии носителей публичных функций. К сожалению, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» не даётся никаких разъяснений по поводу применения п. «в» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ, хотя содержание данного квалифицирующего признака торговли людьми остаётся не до конца понятным следователям и судьям – в том числе и из-за недостатков его теоретической разработки. В монографических исследованиях, посвящённых торговле людьми, этот момент зачастую вообще не проблематизируется, и всё толкование закона сводится к воспроизведению какого-то одного высказывания Пленума по совершенно другой категории дел или какой-то одной теоретической позиции [1, с. 155; 3, с. 109; и др.]. Целью работы является выявление содержания п. «в» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ в сопоставлении его с п. 5 ч. 2 ст. 181 УК Беларуси.

Материал и методы. В качестве материалов для исследования использованы труды отечественных специалистов в области уголовного права, а также актуальное российское и белорусское уголовное законодательство и постановления пленумов верховных судов двух стран по вопросам его применения. Основой исследования является юридико-догматический метод.

Результаты и их обсуждение. Прежде всего следует отметить, что в российском и белорусском законодательстве анализируемый квалифицирующий признак сформулирован по-разному: если в п. 5 ч. 2 ст. 181 УК Беларуси говорится о действиях по торговле людьми, совершённых лицом с использованием своих *служебных полномочий*, то в п. «в» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ – о действиях, совершённых лицом с использованием своего *служебного положения*. Отличие это не редакционное, а содержательное: служебное положение шире служебных полномочий и включает в себя как сами полномочия (т.е. строго формализованные и нормативно закреплённые возможности – квази-права и квази-обязанности, определяемые компетенцией их носителя и призванные обеспечить осуществление им публичных функций), так и фактические возможности (неформальное влияние), определяемые значимостью и авторитетом занимаемой должности. Однако в обоих случаях, несмотря на сделанный законодателями акцент на субъекте преступления («деяния, совершённые *лицом*»), речь всё же идёт скорее о способе совершения преступления, т.е. для вменения данного квалифицирующего признака требуется установить не просто наличие у виновного определённого статуса и связанных с ним полномочий, а факт *исполь-*

зования им непосредственно в процессе торговли людьми своего служебного положения (в России) или (что ещё сильнее сужает сферу действия анализируемой нормы) своих служебных полномочий (в Беларуси). Именно ненадлежащее исполнение субъектом своих служебных функций, намеренное использование их во вред правоохраняемым благам при планировании или осуществлении торговли людьми, а не социальный статус как таковой повышает общественную опасность содеянного. Иное решение означало бы явную дискриминацию по признаку служебного положения, что в демократическом правовом государстве совершенно неприемлемо.

В белорусском уголовном законодательстве нет различия между должностным и служебным – эти понятия используются как синонимы. По смыслу ч. 4 ст. 4 УК Беларуси должностными лицами, наравне с представителями власти и представителями общественности, признаётся управленческий персонал любых предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности; к этой же категории субъектов относятся и любые лица, уполномоченные на совершение юридически значимых действий. При этом, решая вопрос о квалификации торговли людьми по п. 5 ч. 2 ст. 181 УК Беларуси, следует руководствоваться п. 1 примечаний к главе 35, в котором предусматривается, что, если совершение должностным лицом преступления предусмотрено в качестве признака иного преступления, совокупность его с преступлениями против интересов службы отсутствует. Иными словами, «должностная» торговля людьми не требует дополнительной квалификации по статьям о злоупотреблении властью или служебными полномочиями либо их превышении, служебном подлоге и т.п. Однако же получение взятки в любом случае подлежит самостоятельной правовой оценке.

В России в этом плане всё гораздо сложнее, поскольку наш законодатель противопоставляет должностные и служебные преступления, запрещая их нормами главы 30 и главы 23 УК РФ соответственно. Давая разъяснения о содержании квалифицирующего признака «с использованием служебного положения» применительно к разным составам преступлений, Пленум Верховного Суда РФ, к сожалению, не проявляет последовательности. Так, под лицами, использующими своё служебное положение при совершении мошенничества, присвоения или растраты, рекомендовано понимать должностных лиц (п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ), государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, а также иных лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях (п. 1 примечаний к ст. 201 УК РФ) (см. п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»). Аналогичное толкование такого специального субъекта даётся и в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нём (ней)». В то же время, в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» прослеживается куда более широкий подход к установлению круга лиц, использующих своё служебное положение: таковыми предлагается считать и вахтёров, и инкассаторов, и работников аптек, врачей, медсестёр и т.п., т.е. практически любых лиц, чьи трудовые функции так или иначе связаны с предметом преступления. Можно было бы привести и другие акты официального судебного толкования, но ситуация и так ясна: единого критерия для определения наличия или отсутствия служебного положения у нас нет.

Теория тоже не даёт однозначного ответа на этот вопрос. По мнению Н.А. Егоровой, служебная деятельность включает в себя «управленческую, иную, органически связанную с управленческой, часто подчинённую ей или обслуживающую её, юридически значимую для других людей деятельность, непосредственно не направленную на производство материальных благ или оказание материальных услуг, а также интеллектуальное и документальное обслуживание деятельности людей» [4, с. 27]. Видимо, за основу здесь взято тра-

диционное для советского трудового права деление занятых в различных сферах народного хозяйства на рабочих и служащих. А.В. Шнитенков же предлагает связывать понятие служащего с определёнными полномочиями, а не просто трудовыми функциями [7, с. 332]. М.А. Кауфман, пытаясь определить круг субъектов квалифицированного состава торговли людьми (п. «в» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ), пишет, что таковым может быть «только государственный или муниципальный служащий, работник коммерческой или общественной организации. В данном случае речь может идти о работниках паспортной службы, которые оказывают содействие в оформлении заграничных паспортов; о работниках таможенных органов, содействующих незаконному перемещению через государственную границу; о руководителях предприятий, занимающихся трудоустройством; о представителях власти, обеспечивающих безопасность деятельности преступных группировок, которые специализируются на торговле людьми, и т.п.» [6, с. 58]. Но такое определение специального субъекта позволяет признать им кого угодно! В свете столь зыбких и противоречивых теоретических позиций едва ли могут удивлять приводимые И.С. Алихаджиевой примеры из судебной практики, когда по п. «а» ч. 2 ст. 241 УК РФ осуждались банщицы, которые, имея список лиц, оказывающих услуги сексуального характера, организовывали по месту своей работы занятие проституцией другими лицами, в чём следственные органы и суды усматривали ни много ни мало использование служебного положения [2, с. 125].

Следовало бы, однако, задуматься над целесообразностью закрепления в законе анализируемого квалифицирующего признака в принципе. Это тем более верно, если взглянуть на проблему в свете предложенного С.А. Силаевым и И.В. Ковыловым кардинального упрощения объективной стороны основного состава преступления торговли людьми с оставлением в нём в качестве исполнительских действий лишь передачи и получения человека во исполнение совершённой в отношении него сделки [5, с. 62]. Ясно, что никакие служебные полномочия и даже фактические возможности, связанные со статусом, не могут быть использованы для непосредственного совершения этих деяний; создание же недобросовестными служащими условий для их совершения вполне можно было бы квалифицировать по общим нормам о должностных или служебных преступлениях, которые бы образовывали реальную совокупность с участием в торговле людьми.

Заключение. Подводя итог исследованию, считаем, что п. «в» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ (п. 5 ч. 2 ст. 181 УК Беларуси) было бы целесообразно исключить. Что же касается применения этих норм *delegelata*, органам уголовной юстиции следовало бы ориентироваться на узкий подход к пониманию служебного положения как совокупности властных и управленческих полномочий и связанных с ними авторитета и престижа занимаемой должности.

1. Авдеева, Е.В. Уголовно-правовое регулирование свободы личности: монография / Е.В. Авдеева. — Иркутск: Изд-во «На Чехова», 2013. — 184 с.
2. Алихаджиева, И.С. О совершенствовании практики применения составов преступлений о проституции / И.С. Алихаджиева // Современное право. — 2009. — № 5. — С. 122–126.
3. Буряк, М.Ю. Торговля людьми и борьба с ней: монография / М.Ю. Буряк. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2006. — 216 с.
4. Егорова, Н.А. Служащий как специальный субъект преступления в уголовном праве России / Н.А. Егорова // Уголовное право. — 2004. — № 2. — С. 26–28.
5. Силаев, С.А. Криминообразующие признаки торговли людьми в международном и российском уголовном праве / С.А. Силаев, И.В. Ковылов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. — 2018. — № 1. — С. 55–65.
6. Судебное разбирательство уголовных дел о торговле людьми / Г.И. Загорский, М.А. Кауфман, Т.Ф. Моисеева, Н.В. Радутная. — М.: Юрид. лит., 2009. — 240 с.
7. Шнитенков, А.В. Использование служебного положения как квалифицирующий признак преступлений / А.В. Шнитенков // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты. Материалы III российского конгресса уголовного права (29–30 мая 2008 г.). — М.: Проспект, 2008. — С. 331–334.